

Российская академия наук
Институт психологии

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Под редакцией
А. Л. Журавлева и А. В. Юревича

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

П 86 Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 716 с. (Методология, история и теория психологии)

ISBN 978-5-9270-0365-5

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются актуальные проблемы развития психологического знания. В фокусе внимания авторов общее состояние и основные характеристики психологического знания, тенденции и перспективы его развития, типы знания в конкретных областях психологии. В процессе анализа рассматривается ряд методологических проблем. Книга адресована как профессиональным психологам, так и всем, кому не безразлично методологическое состояние этой науки.

© ФГБУН Институт психологии РАН, 2018

ISBN 978-5-9270-0365-5

Содержание

Предисловие	7
<i>А. В. Юревич.</i> Вместо введения: Состав и структура психологического знания	9

Раздел I ОБЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>В. А. Кольцова.</i> Гуманитарное знание: история и перспективы развития	37
<i>Д. В. Ушаков.</i> Анатомия психологического знания	71
<i>В. А. Мазилев.</i> Психологическое знание и методологические проблемы психологии	115
<i>А. В. Юревич.</i> Структура психологических теорий	141
<i>Е. Ю. Патяева.</i> Классическое, неклассическое и постнеклассическое знание в современной психологии	160
<i>В. В. Знаков.</i> Три типа понимания мира человека — три типа психологического знания	194
<i>С. Д. Смирнов.</i> Мир чувств и чувство мира	224
<i>Т. В. Галкина, А. Л. Журавлев.</i> Проблема типов психологического знания в трудах Я. А. Пономарева	246

Раздел II ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Т. Д. Марцинковская.</i> Вызовы современной психологии — импульс для развития?	277

<i>Е. А. Сергиенко.</i> От дифференциации к интеграции подходов и категорий в современном психологическом знании	308
<i>Т. В. Зеленкова.</i> Интегративные тенденции в развитии психологии: от монолога к полилогу	332
<i>Т. В. Корнилова.</i> Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии.	368
<i>В. А. Янчук.</i> Социокультурно-индетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии	385

Раздел III СОСТОЯНИЕ ЗНАНИЯ В КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЯХ ПСИХОЛОГИИ

<i>И. А. Мироненко.</i> Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки	409
<i>Н. Е. Харламенкова.</i> Описание, объяснение и обоснование теоретического знания в современной психологии личности	431
<i>В. Ф. Петренко.</i> Исследования коллективного бессознательного как одно из перспективных направлений развития психологии.	454
<i>И. Н. Семенов.</i> Эпистемологическая типология форм научного знания в рефлексивной психологии творчества	472
<i>А. А. Грачев.</i> Психологическое знание в деятельности руководителя: гуманистический аспект.	514
<i>Д. А. Китова.</i> Знания в структуре психологической готовности личности к предпринимательской деятельности.	537
<i>Н. С. Полева.</i> Анализ интеллектуальных сетей как способ саморефлексии психологической науки	562

Раздел IV ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Д. А. Хорошилов.</i> Проблема микро- и макроуровней социального познания: настоящее и будущее.	583

<i>Т. А. Нестик.</i> Образ будущего и долгосрочная ориентация научного сообщества: социально-психологический анализ . . .	602
<i>М. А. Гусельцева.</i> Перспективы развития психологического знания: блеск и нишета прогнозов	628
<i>К. Б. Зуев, Т. А. Нестик.</i> Библиометрический анализ развития основных направлений психологических исследований (по данным WoS и статистике поисковых запросов Google) . . .	671
<i>Т. А. Нестик, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич.</i> Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе	698
Сведения об авторах	714

Проблема личности и задачи современного этапа развития психологической науки¹

И. А. Мироненко

Психологическая наука на всем протяжении своей истории обращалась к проблеме личности – *социализированного индивида*, у которого в силу его причастности к культуре уже «нет «природы» – простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его место – между этими двумя полюсами» (Кассирер, 1988, с. 20).

Представляется неслучайным, что выделению психологии в отдельную область научного знания в конце в. предшествовало возникновение нового типа отношений между индивидом и социумом. Ускорение исторического процесса к середине в. достигло уровня, когда быстрота радикальных изменений в культуре стала соразмерной смене поколений, что породило проблему «отцов и детей». Дети не хотели больше следовать примеру родителей, так как к жизни в их мире опыт родителей был уже непосредственно не применим. Культура, устройство общества впервые предстали как нечто подверженное переменам, временное и условное, и стал возможным сам вопрос об отношении личности, «социального индивида» – как относительно самостоятельного деятеля – к этим переменам, к социуму, сложилось представление о личности как о субъекте и объекте культурно-исторического процесса. Важной проблемой психологии стала проблема сочетания в человеческой природе природного (общечеловеческого) и социального (культурно обусловленного) (о современных представлениях см.: Новое в науках о человеке..., 2015; и др.).

Однако до Первой мировой войны еще доминировало представление о том, что социум (культура) является чем-то хотя и изменяющимся исторически, но, несомненно, более стабильным, чем индивидуальная психика. Дюркгейм доказывал, что именно он является носителем той системы понятий, усвоение которой инди-

---

1 Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 17-06-50086.

видом только и придает его изменчивой психической жизни характер устойчивого человеческого разума. Обосновывая зависимость психической организации человека от социума, Э. Дюркгейм доказывал, что в основе всех категорий, которыми оперирует человеческое мышление, лежит единая общественная практика, объединяющая всех членов какой-либо социальной общности: «...если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т. д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя... Если же какой-нибудь ум открыто нарушает общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим» (цит. по: История психологии, 1992, с. 279–280). Категории, которыми оперирует человеческое мышление, Дюркгейм называет «ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории» (там же, с. 282).

Проблема культурных различий (встречи человека с чуждой ему культурной реальностью) долгое время представлялась возможной лишь в контексте рассмотрения экзотических стран и отдаленных от западной цивилизации народов.

Первая мировая война перевернула привычный европейцам мир. Социальные потрясения и антагонистические противоречия, охватившие мир после ее начала, открыли новый план проблемы личности. Отношения индивида и социума приобрели иной характер. Смена биологических поколений уже не успевала за радикальными изменениями в культуре. Впервые в своей истории человек оказался перед необходимостью жить в ситуации, когда радикально меняются принятые в обществе понятия о добре и зле, о справедливости, понятия о том, как следует поступать в той или иной ситуации и как относиться к тем или иным явлениям. Проблема соотношения природного и культурно обусловленного в человеческой психике обрела новое измерение. В результате проблема противоречивых отношений индивида, культуры и общества стала «нervом» психологических исследований и теорий XX в. Это касается как теоретических школ, так и практической психологии (Мироненко, 2005, 2015).

Психологические теории XX в. обращены к анализу бытия человека в изменяющемся мире. Однако они все еще зиждутся на вере в то, что в изменяющемся мире человек остается самим собой. XXI в. породил проблемы утраты человеком как социальным индивидом определенности своей социокультурной идентичности, своей самости.

Сегодня все еще говорят, что мы живем в эпоху перемен. Однако представляется, что слово «перемена» уже не отражает сущность происходящего. «Перемена» предполагает переход из одного относительно устойчивого состояния в другое. Между тем, мир современного человека все больше превращается в непрерывный поток изменений, бытие человека в нем приобрело совершенно новый характер, что не может не повлечь за собой изменения и самого субъекта (см., например: Личность и бытие..., 2008; Проблемы субъектов..., 2007).

В глобальном мире человек существует уже не в контексте, рамках и координатах какой-либо определенной культуры. Личность расслаивается и множится в многомерном и многополюсном культурном пространстве, на пересечении культурных контекстов — в ситуации, когда нужно непрерывно и по-новому определяться с ответами на вопросы: во что я верю? Каким нормам следую? Кто я? (см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; и др.).

Виртуализация общества, в последние десятилетия XX в. лишь едва наметившаяся как тенденция, а теперь ставшая очевидной реальностью, — это еще одна радикальная трансформация способа существования нашей цивилизации, порожденная развитием компьютерных технологий (прежде всего, технологий виртуальной реальности) и проникновением их во все сферы жизни общества. Общение в виртуальном мире происходит не между реальными личностями, с их реальными статусами в общей разделяемой реальности, а между выдуманными, изображаемыми героями, т. е. становится *знаком* реального в ситуации утраты самой реальности (см.: Нестик, Журавлев, 2016а, б).

В процессе виртуализации традиционно понимаемая основа человеческого сознания как единства общественного, общеразделяемого, реального слова и дела, оказывается под угрозой. Человеческое сознание в психологии традиционно рассматривалось как феномен, возникший из общей, коллективной деятельности, в процесс которой каждый вносил свой вклад, выполняя свою специфическую задачу, и в процессе которой совместными усилиями достигался реальный результат, позволявший всем удовлетворить свои

реальные потребности (Леонтьев, 1972). Индивидуальные смыслы, замкнутые на реальность, прямым и непосредственным образом здесь имеют очевидную зону пересечения в реальности же — коллективное потребление плодов коллективной деятельности. Общие для всех значения также коренятся в этой зоне пересечения смыслов, обеспечивая связь с реальностью и адекватность человеческим смыслам человеческой культуры, языка, — единство и неразрывность общественного и индивидуального сознания. В этом смысле Мамардашвили говорит о «фундаментальной двоичности сознания». Это неразрывная диалектическая связь реальности коллективного бытия и его отражения в человеческом сознании. Мамардашвили говорит о коллективном характере (образ «агоры»¹) человеческого искания истины, человеческой культуры, человеческой жизни. В разрушении единой ткани общественного бытия и сознания, в замещении «агоры» одиночеством в виртуальном мире он видит угрозу человечеству: «В зазеркалье..., где меняются местами левое и правое, все смыслы переворачиваются и начинается разрушение человеческого сознания. Аномальное знаковое пространство затягивает в себя все, что с ним соприкасается. Человеческое сознание аннигилирует и, попадая в ситуацию неопределенности, где все перемигиваются не то что двусмысленно, но многосмысленно, аннигилирует и человек: ни мужества, ни чести, ни достоинства, ни трусости, ни бесчестия. Эти «сознательные» акты и знания перестают участвовать в мировых событиях, в истории. Не имеет значения, что у тебя в «сознании», лишь бы знак подавал. В пределе при этом исчезает необходимость и в том, чтобы у людей вообще были какие-то убеждения. Веришь в совершающееся или не веришь — не имеет значения, потому что именно подаваемым знаком ты включаешься в действие и вращение колес общественного механизма» (Мамардашвили, 1992, с. 119).

Виртуализация стала фактом. И фактом стал порожденный ею «комплекс» общественного сознания — чувство утраты реальности жизни, утраты контроля над реальностью². Рушатся традиционные

- 1 «Для меня эта внутренняя, углубленная в себя жизнь без агоры то же самое, что искание истины в уборной. Если бы у меня был талант Кафки, я бы описал сегодня эти душевные внутренние искания как фантастические, странные искания истины там, где ее по онтологическим законам человеческой жизни быть просто не может» (Мамардашвили, 1992, с. 119).
- 2 Отражением этого комплекса стал фильм «Матрица» и подобные, следовавшие за ним.

представления о человеческой общности и общении, о человеческом сознании, построенные на представлениях об общей реальности, которая отражается в сознании, реальности, в контексте которой происходит общение и формируется общность и осуществляется взаимопонимание людей, взаимодействующих в общем для них пространстве и времени единого материального мира. В VI в. до н. э. Гераклит писал: «Для бодрствующих существует единый и всеобщий космос, из спящих же каждый отвращается в свой собственный». Для современного человека то, что все мы, бодрствующие, чувствуем, действуем и мыслим в едином и общем мире, уже не является очевидным. Взаимодействие между людьми, опосредованное виртуальной реальностью, при отсутствии очевидной опоры на объективную реальность совместного бытия и коррекций образа мира на основе постоянно включенного механизма обратной связи, уже не обеспечивает переживания полноты и адекватности взаимного понимания в процессе взаимодействия, не обеспечивает переживания цельности личности партнера по общению, и – как следствие – собственной личности. Границы личности в виртуальном мире размыты, а структура утрачивает определенность и тендирует к своего рода «мерцанию формы», что порождает болезненный комплекс проблем личности и общения у современного человека, в фокусе которых – вопрос о самоопределении и самодетерминации личности, лишившейся возможности ответить себе на вопрос «Кто я?» путем простого и непосредственного наблюдения за себе подобными («человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку») (Маркс, 1955, с. 55).

Радикальные изменения человеческого бытия последних двух десятилетий остаются недооцененными в психологическом дискурсе, хотя социологами и социальными психологами активно обсуждаются (Динамика..., 1996; Журавлев, 2006; Социально-психологическая динамика..., 1998; и др.). В дискуссиях социологов современный социум представляется как «открытая, нелинейная и находящаяся в непрерывном движении» система (Adkins, Lury, 2009, p. 16), где социальные процессы в высокой степени непредсказуемы и подвижны (Castro, Lafuente, 2007, p. 185). В этих условиях вопрос «Как устроено общество?», на который искали ответ классические социологические теории, уже не может быть поставлен, так как его постановка предполагает аксиоматическое представление о том, что некое общество (как устойчивая система социальных

отношений, взаимодействий и структур) *существует*. В современных условиях перед социологом стоит задача не выявить, по каким законам общество существует и развивается, но признать, что общества в его прежнем понимании больше не существует, и сфокусироваться на зарождающейся новой социальной реальности (подробнее см.: Доверие и недоверие..., 2013; Современная социальная реальность..., 2014; и др.). Таким образом, главной задачей становится «уловить и описать сущность современного социума в его неопределенности» (Castro, Lafuente, 2007, p. 185). Современный период, важнейшей характеристикой которого является глобализация, социологи называют временем «второй эпохи модерна», когда ученому необходимы «космополитический взгляд и способность принять инакость другого» (Beck, 2000; Beck, Sznaider, 2006), противопоставляемая «ложному универсализму» (Bhambra, 2007, p. 155). В профессиональном сообществе социологов активно обсуждается предположение о несоответствии предлагаемой теориями XX в. научной картины мира современной реальности, об игнорировании или недооценке ими радикальности изменений, произошедших в социуме за последние десятилетия.

В дискуссиях психологов идеи текучести социальной реальности современной эпохи на сегодняшний день не нашли достаточно отражения. Редко поднимаются вопросы утраты соответствия теоретических моделей современной действительности. Причина этого в том, что в нашем профессиональном сообществе все еще доминирует, осознанно или имплицитно, установка на исследование «вечной» природы человека, вера в то, что существуют некие постоянные общечеловеческие качества (например, ценности), и эти качества лишь поверхностно изменяются, в зависимости от внешних (в том числе, социальных) факторов. Сегодня данный постулат необходимо подвергнуть сомнению.

Не настала ли пора вслед за социологами понять, что социальная природа человека за последние десятилетия претерпела столь же радикальные изменения, сколь и социум, в котором он существует, и отказаться от устоявшихся теоретических схем, не соответствующих современной реальности?

Психологические теории XX в. обращены к анализу *существования* человека в мире, к анализу *проявляемых им свойств*. Вопрос о его *сущности* не ставился в них, в рамках относительно изолированного развития школ он полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической

науки высвечивает то, что *сущее, существование* которого описывают концепции школ, совсем не обязательно одно и то же в разных теориях. Сегодня основной вопрос, на который должна ответить психология, основная проблема современной психологии: что есть это *сущее*? Что есть человек?

Проблема личности как антропологическая становится главной проблемой современного этапа развития мировой психологии. Вопрос не является абсолютно новым (нет ничего нового под солнцем), еще Сократ вопрошал: «Кто я?». На стене храма Аполлона в Дельфах была надпись: «Познай самого себя». Так или иначе, но все философские и религиозные системы предлагают свои ответы, однако сейчас этот вопрос имеет уже не отвлеченно философское значение, но жизненно важен для человечества. Он носится в воздухе современного мира (см. также: Ушаков, Журавлев, 2015; Журавлев и др., 2017; и др.).

Задачи, которые стоят перед психологией на нынешнем этапе ее развития, особенности современного развития культуры и цивилизации определяют происходящий переход от моноцентрической структуры психологической науки с доминированием западного мейнстрима к структуре полицентрической (Moghaddam, 1987; Danziger, 1994; Rose, 2008; Marsella, 2012). Как неоднократно было отмечено в литературе (Danziger 1994; Castro, Lafuente, 2007; Marsella, 2012), мейнстрим современной мировой психологической науки развивался на базе исследований человека, принадлежащего к современной западной культуре XX в., воспитанного в ней. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Становится очевидным то, что теории западно-центрической традиции, доминировавшие в XX в., не являются универсальными, а отражают лишь частный случай человеческой природы, будучи созданными в контексте лишь одной отдельно взятой культуры, и не самой многочисленной: они созданы людьми этой культуры и говорят о людях этой культуры (Yang, 2000; Kim et al., 2006; Berry, 2013; Marsella, 2013). Их применимость и адекватность в контексте других культур подвергается сомнению, и в плане возможности разработки проблемы личности как антропологической этот подход тем более не кажется перспективным (см.: Ушаков, Журавлев, 2015; и др.).

Явно или неявно, но психологические теории и конкретно психологические исследования исходят из определенной философской концепции, версии человека, подтверждают или опровергают какие-то представления о его сущности и предназначении. Происходящая интеграция психологического знания выявляет, что тео-

ретические модели человека, имплицитно заложенные в теориях различных школ, существенно различаются. Это заставляет задаться вопросом: как соотносятся данные теоретические модели? Дополняют ли они друг друга или, может быть, взаимно исключают? Без обращения к этому вопросу невозможен диалог теорий в сети глобальной науки. В свете этого особую важность приобретает такое качество теорий, как заложенный в них потенциал неоднородности, вариативности и изменчивости результирующих прогнозов, — иными словами, *диалектический* характер предлагаемых теоретических моделей.

В этом смысле велик потенциал включения в мировую науку российской психологии, которая остается сегодня недостаточно интегрированной, в то время как именно здесь имеется существенный задел в разработке антропологической проблемы.

Для понимания подхода к проблеме сущности человеческой личности, который лежит в основе отечественных психологических теорий, особое значение имеют две философские традиции, влияние которых на развитие отечественной психологии А. В. Петровский и М. Г. Ярошевский отмечают с самого начала развития психологической науки в России (Петровский, Ярошевский, 1996). У истоков первой из них стоял Николай Чернышевский, второй — Владимир Соловьев. Они заложили в России традиции постановки проблемы личности в психологии, исходя из противостоявших друг другу способов осмысления ее природы.

К антропологическому принципу Чернышевского восходит «русский путь в науке о поведении» — от Сеченова до Павлова и Ухтомского и далее к марксистской советской психологии с ее естественно-научным деятельностным подходом. К теологическому принципу Соловьева восходит апология «нового религиозного сознания» в трудах Н. А. Бердяева, С. Н. и Е. Н. Трубецких, С. Л. Франка и др., — религиозно-философское направление, казалось, навсегда исчезнувшее в России после 1922 г. и знаменательным образом возродившееся в постсоветский период.

Интересно, что представители обеих философских традиций начали свой самостоятельный путь с отталкивания от традиции противоположной. Чернышевский и Павлов были воспитанниками духовной семинарии, Ухтомский учился в духовной академии. Напротив, Соловьев начал творческий путь в качестве студента-естественника, а в дальнейшем стал слушателем лекций Юркевича и подал прошение об отчислении его с физико-математического факультета.

В отношении марксистской антропологии, служившей философским основанием для развития психологии в советский период, сегодня представляется необходимым отойти от идеологизированных стереотипов: как привычного на протяжении 70 лет советской власти восхваления, так и бездумного очернения, которое мы часто наблюдали в 1990-е годы.

В марксистской антропологии сочетаются два основных положения. Каждое имеет полемически заостренный характер, а сочетание их кажется парадоксальным.

Во-первых, теория Маркса последовательно естественно-научна. Весь мир и человек как его часть имеют естественное историческое происхождение. Ничего сверхъестественного нет. Человек принадлежит природе, он полноправная часть живого мира.

Во-вторых, человек понимается как полностью социальное существо. Теория Маркса социоцентрична, все специфически человеческие качества выводятся не из неизменных родовых общечеловеческих свойств, но однозначно определяются устройством общества в определенный исторический период, общественными отношениями. Это положение марксистской теории подвергалось наибольшей критике, теорию Маркса не раз объявляли утопичной за то, что ее постулаты не соотносятся с «человеческой природой».

Представление о человеке, развиваемое марксизмом, глубоко диалектично, в нем заложено внутреннее противоречие, отрицание отрицания власти законов природы, — источник активности и развития человека. Сущность человека, по Марксу, в том, что он активно преобразует мир, он деятелен. Э. Фромм считает Маркса родоначальником радикального гуманизма и ставит его в один ряд с такими мыслителями, как Спиноза, Гёте, Гегель, для которых человек живет до тех пор, пока он одержим творчеством, собственными усилиями преобразует мир.

Русская религиозно-философская традиция в плане постановки проблемы личности человека имеет, как часто отмечалось в литературе, такую общую особенность: в отличие от западной философии, человек не выступает здесь в качестве воплощения индивидуализма. Он всегда понимается как некая «соборность в иерархии бытия». С одной стороны, говорится о целостности и уникальности личности, с другой — о ее подчиненности высшему началу. В центре внимания здесь осмысление предназначения человека, перед которым выдвигаются определенные нравственные императивы, поступки которого соразмеряются с общечеловеческими целями.

Представляется чрезвычайно важным то, что становление психологической науки в России происходило в ситуации острой полемики и постоянного заинтересованного диалога между двумя этими направлениями — естественно-научным и духовно-философским. Это изначально придало диалектический характер постановке проблемы личности в российской психологии, ибо «цельность в науке — это не монолитное единомыслие, а возможность сойтись в споре, значимость противостояния позиций и подходов» (Василюк, 2003, с. 3). Такой постоянно — если не эксплицитно, то имплицитно — присутствующий контрапункт препятствовал односторонней, «уплощенной» и внутренне непротиворечивой трактовке сущности личности, что не позволило в дальнейшем снизить в развитии естественно-научной советской психологии напряжение поставленной сверхзадачи монистического материалистического объяснения явлений духовной жизни личности, духовного начала в ней. Благодаря этому стало возможным и быстрое возрождение православной духовно-философской психологии в постсоветской России, после семидесяти лет декларируемого атеизма и воинствующего материализма.

Теоретическая модель человека, имплицитно и эксплицитно заложенная в основание российской традиции, едва ли не единственная в научной психологии, куда вписывается та *свобода* человека от законов природы, о которой столько писали философы от Платона до Кассирера и много позже (Mironenko, Sorokin, 2015).

Важнейшей особенностью и задачей современного развития психологического знания является становление нового типа функционирования мировой науки — *глобальной науки*, которая с необходимостью возникает в условиях глобального мира. Науки, глобальной как по своему объекту, так и по субъекту порождения научного знания (Marsella, 2012; Bergu, 2013; Vessuri, 2015; Sorokin, 2016). Становление глобальной психологической науки встречает новые вызовы и открывает новые перспективы для развития психологических школ и направлений как в сфере психологической практики, так и в отношении академической науки (см.: Журавлев, Нестик, 2016; и др.).

В условиях становления глобальной науки интеграция психологического знания предъявляет особые требования к «локальным» традициям и школам, не входящим сегодня в сложившийся западно-центрический мейнстрим психологии, и требует от них особых усилий. Прежде всего, необходимым условием интеграции является работа, направленная на преодоление языковых барьеров

(как по части языка в целом, так и в отношении используемой понятийной системы) и на вхождение в проблемный контекст глобальной науки.

Для российской психологии языковая проблема представляет большую трудность. Она предстает как проблема перевода понятийной системы нашей научной школы, — максимально сложной и изощренной, над которой целенаправленно работали лучшие умы советской психологии, — в понятийную систему мейнстрима (Мироненко, 2012а, б, 2015; Mironenko, 2013а, б, 2014). Решение этой проблемы предполагает осуществление специальной герменевтики. Нужно объяснить западным коллегам суть наших теорий понятно и на их профессиональном языке (что и по-русски сделать непросто).

В этой связи хочу еще раз отметить важность вопроса о неясности, связанной с понятием субъекта, — одним из центральных в российской научной традиции (подробнее см.: Личность и бытие..., 2008; Субъектный подход в психологии, 2009; и др.), — неясности, существующей относительно соотношения данного понятия и понятия «личность» (Мироненко, 2010). При том, что научным сообществом уже затрачены значительные усилия на методологическую проработку каждого из понятий, вопрос об их соотношении по-прежнему остается остро дискуссионным (Моросанова, Аронова, 2007), что затрудняет коммуникацию ученых и порождает сложности в понимании научных текстов. Внесение ясности в вопрос соотношения данных понятий представляется остро актуальным сегодня в контексте происходящей интеграции российской психологии в мировую науку (отметим, что именно на проблеме личности сфокусированы сегодня усилия ученых, см., напр.: Психологические исследования личности..., 2007, 2016; и др.).

Если понятие личности является вполне интернациональным, то понятие субъекта употребляется лишь в российской психологии и на сегодняшний день может считаться непереводаемым. Нередко встречаются случаи его перевода на английский язык как *subject*, однако это приводит к существенной деформации смыслового содержания переводимого текста. *Subject* — это человек или предмет, который подвергается анализу или воздействию. Не деятель, но тот, над кем (или над чем) производится действие. Представляется целесообразным использовать при переводе текстов написание «*sub'ekt*», чтобы обозначить принадлежность используемого термина российской теоретической традиции, а не общенаучному контексту, привычному для англоязычного читателя.

Задача полноценной интеграции российской психологии в мировую науку — не в качестве «развивающейся» провинции, но в качестве одной из великих школ, сложившихся в XX в. — сегодня требует осуществления определенной герменевтики по отношению к отечественной теории и методологии, целенаправленных усилий, направленных на то, чтобы вписать эту методологию в понятийный и теоретический контекст интернациональной науки. И здесь необходимо обратиться к задаче содержательной интерпретации понятия «субъект», корневого для российской психологии.

Рубинштейн, который ввел в российскую науку данное понятие, как известно, не разграничивал в своих работах содержание понятий «субъект», «личность», «человек». Быть личностью и быть субъектом для него — имманентные свойства, человеку присущие. Рубинштейн говорит о человеке как о субъекте, подчеркивая иницирующий, самодетерминированный характер человеческой деятельности, и говорит о человеке как о личности, подчеркивая его социальность. Развитие субъектного подхода в российской психологии, однако, потребовало уточнения вопроса о соотношении данных понятий. К этому вопросу обращались едва ли не все российские методологи, в том числе такие, как К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Л. И. Анцыферова, А. В. Брушлинский, Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова. Представляется, что исчерпывающий обзор мнений дается в монографии В. И. Моросановой и Е. А. Ароновой (Моросанова, Аронова, 2007), поэтому ограничимся здесь общим выводом о том, что в литературе нет единства в отношении двух следующих моментов: 1) в какой мере и как перекрываются содержания данных понятий: существует широкий диапазон мнений от полного поглощения одного из понятий другим до попыток полностью развести их содержание; 2) как соотносятся данные понятия по уровню: обоим понятиям приписывается «высокий» уровень в структуре психики, однако часты попытки поставить одно над другим, в частности, представить одно как высший уровень другого. Эти вопросы решаются по-разному как в общетеоретическом плане, так и на уровне конкретно-психологических интерпретаций содержания понятий.

Существенным фактором, препятствующим, на наш взгляд, нахождению консенсуса в вопросе о соотношении понятий «субъект» и «личность», является следующее: в литературе нет не только единства, но и ясности в отношении того, в каком контексте предполагается определить и развести эти сущности. В то же время любое понятие существует и может быть понято и соотнесено с дру-

гим только в контексте некоторой определенной системы понятий. Постановка вопроса о соотношении данных понятий в литературе предполагает, что каждое из них обозначает некоторую подсистему в психической организации человека. Но та или иная подсистема не может быть понята и соотнесена с другой подсистемой иначе как в контексте целостной системы, в которую обе включены. Поэтому, как нам кажется, решение вопроса о соотношении понятий «субъект» и «личность» с необходимостью требует определения целостной теоретической модели психической организации человека, на основании и в структуре которой они только и могут быть соотнесены.

В научной литературе уже имеется подобный пример решения задачи соотнесения понятий «субъект» и «личность» – это концепция Б. Г. Ананьева (Ананьев, 1969). В качестве исходной порождающей категории Ананьев вслед за Рубинштейном использует понятие «человек». «Человек» – для психологической науки категория не предметного, а объектного толка. Эта категория непосредственно относит нас к реальности, которую психологическая наука объясняет и описывает. Понятия же «субъект» и «личность» относятся к предметной сфере психологии, они разработаны психологической наукой и воплощают в себе не только (и, возможно, не столько) объективную реальность, но и теоретические модели, логику и аппарат самой науки. В условиях современного методологического плюрализма при попытке соотнесения этих понятий мы оказываемся в своего рода «зеркальном коридоре», в ситуации бесконечного умножения рефлексивных построений, выхода из которой нет. Категория же «человек» выводит нас из «зазеркалья» в реальность и обеспечивает возможность сопоставления теории не с другой теорией, а с жизнью, возвращает опору и возможность эмпирической проверки теории (см. также: Новое в науках о человеке..., 2015).

Концепция Ананьева начинается с построения *целостной модели* индивидуально-психического развития человека (подробнее см.: Головей и др., 2017), в которую вписываются, наряду с другими, категории субъекта и личности и в пространстве которой эти категории оказываются возможным четко соотнести между собой (Кольцова, Журавлев, 2008).

Развитие человека выступает здесь в трех подчеркнуто разведенных планах:

- онтогенетической эволюции психофизиологических функций *индивида*;

- становления деятельности и истории развития человека как субъекта труда, познания и общения;
- жизненного пути человека – истории личности.

Понятие «индивид» Ананьев использует для обозначения человека в системе его связей с природой. Индивид – человек как продукт биологической эволюции, как представитель вида *Homo sapiens*, как естественный индивид с присущей ему генетической программой и диапазоном фенотипической изменчивости.

Ананьев выделяет два класса первичных индивидных свойств: возрастно-половые и индивидуально-типические. К ним относятся конституциональные особенности (телосложение и биохимическая индивидуальность), нейродинамические свойства мозга, особенности функциональной геометрии больших полушарий (симметрии/асимметрии парных рецепторов и эффекторов).

Взаимодействие первичных свойств определяет вторичные индивидные свойства: динамику психофизиологических функций и структуру органических потребностей.

Высшая интеграция индивидных свойств представлена в темпераменте и задатках.

Основная форма развития индивидных свойств – онтогенетическая эволюция, которая осуществляется по определенной филогенетической (видовой) программе. Данная программа не остается неизменной, но постоянно модифицируется под воздействием фактора индивидуальной изменчивости, диапазон которой непрерывно растет как в процессе социальной истории человечества, так и в процессе индивидуального онтогенеза как результат активного воздействия социальных свойств личности на характеристики индивида.

Понятие «личность», четко и узко здесь определяемое, относится к человеку в системе его отношений с обществом. Личность – человек как субъект и объект культурно-исторического процесса.

Следует при этом отметить, что понятие «личность» Ананьев (подобно Рубинштейну) использовал и в более традиционной трактовке: как обобщающее понятие по отношению ко всем характеристикам и свойствам человека – индивидуальным, личностным и субъектным, что часто приводит к затруднениям в понимании его текстов.

Исходным моментом формирования структурно-динамических свойств личности является ее статус в обществе, т. е. особенности ее экономического, правового, политического положения, и статус общности (группы, субкультуры), в которой складывается

и формируется данная личность. На основе статуса строятся в процессе воспитания системы общественных функций – ролей, целей и ценностных ориентаций.

Первичные личностные свойства – статус, роли и ценностные ориентации – складываются вначале как бы вовне личности, в системе ее взаимодействия с социальным окружением, и интериоризируются в процессе социализации. На основе первичных личностных свойств формируются вторичные: мотивация и структура общественного поведения.

Высшая интеграция личностных свойств – характер человека и его склонности. Основная форма развития личности – жизненный путь человека, его социальная биография.

В отличие от большинства отечественных психологов, Ананьев рассматривает социальную детерминацию личности не абстрактно, а с уже сформировавшихся к тому времени (теория была разработана им в 60-е годы XX в.) социологических позиций. Именно поэтому он, определяя, подобно многим, личность как общественного индивида, конкретизирует это определение через социальные ситуации ее развития: статус, образ жизни, роли и др.

В качестве *субъекта* человек предстает как активный деятель, как производительная сила общества, как субъект труда, общения, познания. Исходными характеристиками человека в этой сфере, в понимании Ананьева, являются сознание (как отражение объективной действительности) и деятельность (как преобразование действительности). Человек как субъект характеризуется не только собственными психическими и психофизиологическими свойствами, но и знаниями, умениями, а также техническими средствами труда. Высшей интеграцией субъектных свойств является творчество человека, а наиболее обобщенными эффектами (а вместе с тем потенциалами) – способности и талант. Основная форма развития субъектных свойств – история производственной деятельности человека в обществе, начиная с ранних стадий подготовки и обучения (подробнее см.: Личность профессионала..., 2013; и др.).

Процесс человеческого развития, согласно теории Ананьева, построен на взаимодействии различных, не слитых по своей природе, начал, относительно независимых факторов, влияние которых опосредуется и интегрируется индивидуальностью. Именно индивидуальность определяет вектор, путь и направление человеческого развития. Индивидуальность изначально присутствует и проявляет себя, преломляя и соединяя биологическую индивидуальную программу, социально определяемую программу развития

личности и программу становления субъекта деятельности, которая заложена в орудийно-деятельностных компонентах воспитания.

Индивидуальность в концепции Ананьева не сводится к индивидуальным различиям, которые, как известно, имеют место с самого начала жизни и проявляются в отношении всех отдельных функций и их комплексов; это не просто индивидуальное своеобразие, уникальность личности, отличие человека от других. Ананьев называет индивидуальностью *целостное единство всех уровней организации человека, которое является результатом слияния его натурального и культурного развития*. Индивидуальность придает личности свойство целостности, обеспечивает саморегуляцию и стабилизацию психофизиологических функций, взаимосвязь тенденций и потенциалов человека. К проявлениям индивидуальности относятся *самосознание, Я-концепция, индивидуальный стиль деятельности*.

Ананьев рассматривал соотношение и взаимодействие субъекта и личности в контексте целостной теоретической модели человеческого развития, в качестве своей неотъемлемой части включающей и развитие индивидуальных «субстратных» свойств. В русле его концепции представлен ясный и определенный ответ на вопрос о том, как соотносятся содержания понятий «субъект» и «личность». *На уровне общетеоретическом* личность порождается и существует в контексте отношений человека и социума, в контексте культуры, субъект же существует в пространстве цивилизации, в его основе орудийная производительная деятельность. (Интересно, что в теории Ананьева уже ясно прослеживается разведение культуры и цивилизации, о котором культурологи заговорят лишь в конце XX столетия.) *На уровне конкретно научных представлений* описана система свойств, соотносимых с личностью и с субъектом (см. выше).

Можно ли, однако, рассчитывать, что данный вариант ответа на вопрос о соотношении понятий «субъект» и «личность» будет принят современным психологическим сообществом? На это не приходится возлагать надежд. Различия в содержании понятий «индивид», «личность», «субъект» в данной концепции полемически заострены ценой очевидного сужения их значений, при этом содержание понятий «субъект» и «личность» явно расходится с традицией, установившейся в современной российской психологии. Прежде всего обращает на себя внимание то, что свойства, в максимальной степени интересующие современных исследователей, приписываемые как субъекту, так и личности, которые как раз и пытаются сегодня ученые «поделить» между субъектом и личностью — саморегуляция, самосознание и др., — в трактовке Ананьева оказываются

вынесенными за пределы как личности, так и субъекта. Эти свойства оказываются здесь результатом интеграции субъекта и личности в процессе индивидуального развития.

Однако методологическая основательность концепции Ананьева, ее логическая стройность и эмпирическая доказательность заслуживают внимания в контексте современных дискуссий о соотношении понятий «субъект» и «личность». На наш взгляд, вывод, который можно сделать, рассматривая теоретическую модель, разработанную Ананьевым, в свете современных дискуссий в отечественной и мировой науке, заключается в необходимости изменить ставшую традиционной постановку задачи соотношения наших понятий.

Исторически сложилось так, что понятие «субъект» и понятие «личность» в современном научном языке обозначает целостную человеческую психическую организацию. Поэтому следует отказаться от попыток рассматривать субъект и личность как подсистемы некоторого целого, от попыток «разделить» между субъектом и личностью психические и другие свойства. Это две стороны человеческой психики, неразрывно слитые: личность непременно обладает субъектностью, а субъектность — атрибут личности.

Исторически сложилось также, что в мировой науке общепотребимым для обозначения целостной человеческой психической организации является понятие «личность», понятие же «субъект» не имеет распространения. В этой связи обращает на себя внимание и более узкое содержательное наполнение понятия «личность» в российской психологии, — возможно, как раз по причине укоренившегося здесь понятия «субъект», занявшего часть семантического пространства, в западной психологии занимаемого «личностью». Это различие в содержании понятий существенно затрудняет интеграцию отечественной теории в контекст мировой науки. Представляется поэтому целесообразным в вопросе о соотношении наших понятий сегодня перейти к представлению о *субъектности личности*, о *субъектном подходе к личности*, суть которого в понимании личности как активной, самодетерминирующейся сущности.

Языковая проблема существует, ее решение требует существенных усилий от нашего профессионального сообщества, но работать над ней необходимо для полноценной интеграции российской психологии в сеть глобальной науки.

В то же время формирование глобальной науки открывает новые перспективы для «локальных» школ, к которым сегодня можно отнести российскую школу. Становится очевидным, что формирование науки, востребованной в условиях глобального мира,

невозможно без полноценной интеграции «локальных» научных традиций и относительно обособленных систем социально-гуманитарного знания (Bhambra, 2007; Outhwaite, 2009; Robinson, 1998; Rosa, 2014; Vessuri, 2015; и др.). «Локальные» школы обладают качествами, которые необходимы для нового витка в развитии мировой науки. Во-первых, школы, не принадлежащие к мейнстриму, не обременены «однополюсным» восприятием психологической науки (Mironenko, 2017), обладают способностью видеть диалектические противоречия в ее развитии. Во-вторых, эти школы обладают потенциалом инновационных, отличных от известных в мейнстриме, теорий и методов, которые могут быть высоко востребованы в новых условиях. Таким потенциалом обладает и российская школа.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1969.
- Васильюк Ф. Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ—Смысл, 2003.
- Головей Л. А., Журавлев А. Л., Тарабрина Н. В.* Б. Г. Ананьев и междисциплинарные исследования в психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 108–117.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлев А. Л.* Динамика социальной психологии личности в изменяющемся российском обществе // Будущее России в зеркале синергетики / Под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: Комкнига, 2006. С. 85–95.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: Проблемы и перспективы: Тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир: Владимирский гос. ун-т, 2016. С. 12–17.
- Журавлев А. Л., Ушаков Д. В., Юревич А. В.* Менталитет, общество и психосоциальный человек // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 1. С. 107–112.
- История психологии. Тексты / Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

- Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
- Кольцова В. А., Журавлев А. Л.* Введение: Уникальность научного подхода Б. Г. Ананьева // Методология комплексного человекознания и современная психология / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 9–13.
- Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1972.
- Личность и бытие: субъектный подход: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. В. Знаков, З. И. Рябикина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Личность профессионала в современном мире / Отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Мамардашвили М. К.* Сознание и цивилизация // М. К. Мамардашвили. Как я понимаю философию: Доклады, статьи, философские заметки / Сост. и предисл. Ю. П. Сенокосова. М.: Прогресс, 1992. С. 107–121.
- Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955.
- Мироненко И. А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. № 1. С. 88–94.
- Мироненко И. А.* Субъект и личность: о соотношении понятий // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 149–155.
- Мироненко И. А.* Современная российская психология в контексте мировой психологической науки // Вопросы психологии. 2012а. № 3. С. 44–50.
- Мироненко И. А.* О мотивах и проблемах интеграции российской психологии в мейнстрим // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2012б. № 3. С. 5–16.
- Мироненко И. А.* Российская психология в пространстве мировой науки. СПб.: Нестор-История, 2015.
- Моросанова В. И., Аронова Е. А.* Самосознание и саморегуляция поведения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016а. Т. 37. № 2. С. 19–28.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016б. Т. 37. № 6. С. 5–14.

- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* История и теория психологии: В 2 т. Т. 1–2. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Отв. ред. В. И. Аршинов, В. Е. Лепский. М.: Когито-центр, 2007.
- Психологические исследования личности и ее ценностного мира в современном российском обществе: Сб. науч. трудов / Ред.-сост. И. М. Городецкая / Отв. ред. Б. С. Алишев, А. Л. Журавлев, М. Г. Рогов. Казань: КГТУ, 2007.
- Психологические исследования личности: история, современное состояние, перспективы / Отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Современная социальная реальность России и государственное управление: Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году: В 2 т. Т. 1. М.: ИСПИ РАН, 2014.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Субъектный подход в психологии / Под ред. А. Л. Журавлева, В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Ушаков Д. В., Журавлев А. Л.* Психологическое содержание институтов и модель психосоциального человека // Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова. М.: Ленанд, 2015. С. 211–220.
- Adkins L., Lury L.* What is the empirical // *European Journal of Social Theory*. V. 12. P. 5–20.
- Beck U.* The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity // *British Journal of Sociology*. V. 51 (1). P. 79–105.
- Beck U., Sznaider N.* Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: A research agenda // *British Journal of Sociology*. V. 57 (1). P. 1–23.
- Berry J.* Global psychology // *South African Journal of Psychology*. V. 43 (4). P. 391–401.
- Bhambra G.* Rethinking Modernity: Postcolonialism and the Sociological Imagination. Oxford: Berg., 2007.

- Castro J., Lafuente E.* Westernization in the Mirror: On the Cultural Reception of Western Psychology // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2007. V. 41 (1). P. 106–113.
- Danziger K.* Does the history of psychology have a future? Theory and Psychology. 1994. V. 4. P. 467–484.
- Kim U., Yang K. S., Hwang K.-K.* (Eds). Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context. N. Y.: Springer, 2006.
- Marsella A.* Psychology and Globalization: Understanding a Complex Relationship // Journal of Social Issues. 2012. V. 68 (3). P. 454–472.
- Marsella A. J.* All psychologies are indigenous psychologies: Reflections on psychology in a global era. 2013. URL: apa.org/international/pi/2013/12/reflections.aspx (дата обращения: 08.12.2017).
- Mironenko I. A.* Concerning interpretations of activity theory// Integrative Psychological and Behavioral Science. 2013a. V. 47 (3). P. 376–393.
- Mironenko I. A.* Contemporary Russian psychology in the context of international science // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013b. V. 86. P. 156–161.
- Mironenko I. A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7 (2). P. 4–13.
- Mironenko I. A.* History for the «polycentric» psychological science: an “outsider’s” case // Centrality of history for theory construction in psychology. Annals of Theoretical Psychology. 2017. V. 14. P. 111–121.
- Mironenko I. A., Sorokin P. S.* Culture in Psychology: Perennial problems and contemporary methodological crisis // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. V. 4. P. 35–45.
- Moghaddam F. M.* Psychology in the Three Worlds: As Reflected by the Crisis in Social Psychology and the Move Toward Indigenous Third-World Psychology // American Psychologist. 1987. V. 42 (10).
- Outhwaite W.* Canon formation in late 20th-century British sociology // Sociology. 2009. V. 43 (6). P. 1029–1045.
- Robinson W. I.* Beyond nation-state paradigms: Globalization, sociology and the challenge of transnational studies // Sociological Forum. 1998. V. 13 (4). P. 561–594.
- Rosa M. C.* Theories of the South: Limits and perspectives of an emergent movement in social sciences // Current Sociology. 2014. V. 62 (6). P. 851–867.
- Rose N.* Psychology as a social science // Subjectivity. 2008. V. 23. P. 1–17.
- Sorokin P. S.* “Global sociology” in different disciplinary practices: Current conditions, problems and perspectives // Current Sociology. 2016. V. 64 (1). P. 41–59.

И. А. Мироненко

Vessuri H. Global social science discourse: A Southern perspective on the world // *Current Sociology*. 2015. V. 63 (2). P. 297–313.

Yang K.-S. Monocultural and cross-cultural indigenous approaches: The royal road to the development of a balanced global psychology // *Asian Journal of Social Psychology*. 2000. V. 3. P. 241–263.